

Снега мало, но бегать на лыжах можно. Занимаюсь лыжами, дали спортивную форму, ходим на тренировки в сопки. Здесь живет бурятская семья и стадо коров. Все грязные, печь топят по-черному, женщины курят длинные трубки, в волосах много косичек. Заходим, угощают молоком. Едем в Читу на соревнования, но выступаем плохо. Ходим в наряд на кухню, где кушаем досыта. А время идет. В мае кончается учеба, сдаем экзамены, и нас отправляют на месяц рубить лес в тайге. Ручной пилой и топором готовим строевой лес для ШМАС (школа младших авиационных специалистов). Наконец, общее построение, вручение свидетельств авиамехаников. Теперь едем на запад (Примерно знаем — одесский военный округ). Полтора месяца на колесах, грязные, обросшие, ехали до Одессы.

Ночью состав остановился, было темно. Но летняя ночь коротка. Наступило утро, открываются двери теплушки, а мы стоим рядом с морем — это было Черное море. Все высыпали, погода стояла штиль, очень тепло. Раздеваемся и в воду. Так я впервые искупался в море. Прибыли в часть, привели себя в порядок. И служба началась уже в боевом полку. Самолет ИЛ-28: конструктор Илюшин; экипаж 3 человека; вооружение — 4 пушки НР-23; заправка — баков 8 тонн на 2 часа полета. В то время это был самолет, который мог нести атомное оружие. Один самолет обслуживали: техник самолета (офицер), механик по эксплуатации, радиомеханик, оружейник, фотомеханик, приборист. Служба, как служба. Стал отличником боевой и политической подготовки.

Зимой дали отпуск на 10 дней. Приехал в Байки. Встретился с друзьями, пришел на танцы в клуб. Танцуют прямо в валенках, шубах, пальто. И Галина Петровна там. Подходит она ко мне и приглашает танцевать, а я говорю: «Я только по-одесски танцую», а сам не умею. Станцевала она со мной один танец и ушла.

Отпуск кончился. Вернулся в часть. За время службы облетал весь юг, многое увидел. Много раз участвовал в соревнованиях по бегу, занимал призовые места.

Осень 1957 г. Нас подняли по тревоге, приказали подвесить бомбы, зарядить пушки, заправить полные баки горючего. Взлет, и через час мы в Болгарии — международный аэропорт «Балтик». Тогда была напряженная обстановка между Турцией и Болгарией. Стояли там месяц. Наши самолеты и американские в воздухе. Впечатление от Болгарии сохранилось на всю жизнь. Возили на экскурсию на Шипку — это гора, где русские солдаты в XIX веке помогали болгарам бороться за независимость против турок.

Всё окончилось благополучно. Вернулись на свой аэродром. Едем получать самолет в г. Запорожье после регламентных работ.

~~При заходе на большой круг загорелся двигатель, а мы летим над морем. Команда командира: «Прыгать». Я, стрелок, радист и штурман выпрыгнули, а командир стал пробовать посадить самолет на воду. Но не рассчитал и врезался в берег, погиб.~~

~~А нас подобрала пограничники часа через полтора. Вода + то ветер. Я сломал себе обе руки и временно потерял зрение. Три месяца валялся в госпитале №411 в Одессе. Всё обошлось, и я закончил службу. В Байки вернулся в январе 1959 г.~~

В конце января поехал работать в деревню Дубровка в качестве учителя физкультуры и физики. Зарплата 840 рублей, жил у одной бабушки (забыл её фамилию). Затем на следующий год был переведен в Магинскую школу, где проработал год. В это время был окончательно решен вопрос о женитьбе на Галине Петровне — 28 ноября мы стали мужем и женой при участии свидетелей Пастухова В.Ф. (сейчас он уже умер) и Бабина Анатолия (он сейчас живет в Уфе).

Свадьба была по тем временам шикарная. Первый вечер проводили в Ташино, собралось много родственников с обеих сторон. Пили, гуляли чуть не до утра. Галина Петровна до этого съездила в Уфу на соревнования, заодно купила сахару, и мы развели бражку — «Гуляй свадьба!»

На другой день гуляли у нас дома. Анатолий Игошев на лошади привез сундук — приданное Галины Петровны. А в дом не

пускают — Виктор Безденежных закрыл все ворота, взял большую палку, как меч. Охранникам дали выкуп — по рюмке водки, двери открыли. Свадьба продолжалась. И еще один день гуляли близкие родственники.

Началась наша супружеская жизнь на расстоянии: она в Байках, я в Магинске. После окончания учебного года меня перевели в Байкинскую школу учителем физкультуры. Галина Петровна собиралась в декрет, ждали рождения старшей дочери Елены.

Но на лето нас назначили работать в летний лагерь детдома — меня начальником, Галину Петровну воспитателем. Лагерь был выше бердяшевского моста. Около 90 человек: мальчики и девочки, были и переростки. Целый месяц жили в палатках. Сумели их организовать — игры, походы, хорошая еда. Что еще надо ребятам? Рано утром приходили в лагерь и поздно вечером уходили. Зарплата была 800 рублей (через несколько месяцев будет денежная реформа, и 800 рублей станет 80 рублей). Это был 1961 год.

Новый учебный год я начал в своей школе, а Галина Петровна уже была в декретном отпуске. В конце сентября на свет появилась Лена. Когда приехали из роддома, я собрал гостей и давай «обмывать» дочь. А Галине Петровне было не до гостей. Все поздравляли нас с рождением дочери, а утром надо было на работу.

Время пошло... Вот уже отметили 55-летие нашей свадьбы. Сколько воды утекло, сколько разных событий — об этом понемногу.

Работая, я начал создавать лыжную базу, и уже к 1970 г. было около ста пар лыж с ботинками, 60 пар на мягком креплении под валенки. Часто зимой проводили походы в лес, катались с гор. Всегда принимали участие в районных соревнованиях, выходили победителями. Я сам продолжал заниматься лыжами, бегал на соревнованиях в Караиделе и Уфе.

В 1962 г. появилась на свет младшая дочь Таня. Галина Петровна опять в декрете, но ненадолго — дали начальный класс в школе.

Директором школы стал Кайбышев Н.Г., при нем спорту стали уделять больше внимания.

В 1961 году я поступил заочно в институт физической культуры и закончил его в 1966 г. В это время Галина Петровна стала работать старшей пионерважатой. Пионерская дружина была лучшей в районе, завоевывала первые места. За отличный труд супруга была награждена орденом трудового Красного Знамени.

Детский дом еще был. Приходилось ездить на экскурсии в г. Уфа. Приедем, все осмотрим и ночуем в школе на полу. Был у нас такой ученик — Лёня Птицев, ботинки носил 45 размера. Однажды ночью он ушел в туалет и заблудился. Ходит по школе и ревет: «А где наши?» Привели, успокоился.

В 1962 г. детский дом расформировали, все здания передали школе. Заниматься стали в одну смену, школа стала восьмилетняя, а с 1966 г. — средняя.

Популярной игрой в школе стал настольный теннис. Директор школы любил играть, и я ему часто проигрывал. У нас в школе было 4 стола и все они «работали», то есть на них играли.

Приходила весна, начиналась заготовка дров для школы и учителей (сейчас не готовят). Почти все лето в лесу, пока не кончим. Кроме того, была производственная бригада, где выращивали свеклу, морковь, капусту. Школьники собирали металлолом. Галина Петровна взвешивала его на своих руках, а потом болела. По сбору лекарственных трав мы занимали 3 место в республике. Несколько человек ездили в «Артек» за хорошие трудовые дела и учебу.

В 1971 г. я прошел месячные курсы военруков в Затоне, в Уфе, и вел НВП (начальную военную подготовку), которая вводилась в школах. Этот предмет и раньше был в программе, но в 60-е годы его исключили. Все юноши 9-х классов кроме уроков должны были пройти военные сборы в течение 5 дней. В 1972-76 гг. я был назначен начальником сборов. Юноши со всего района (450 человек), 25 сержантов запаса, 5 офицеров были под моим командованием. Сборы проходили на базе пионерского лагеря «Чайка» в 4 км от Караиделя по реке Уфимка. Распорядок дня как в воинской части, трехразовое питание и т.д. Теория, практика, учение, физ. работы и в заключении стрельба из автомата Калашникова и строевой смотр на площади с. Караидель. Всё шло по расписанию. Первый год на стрельбище ходили в Верхний Суян (там была колония для осужденных, и у них был тир). Позднее стрелковый тир построят в нашем селе Байки у «маленькой горки» (кругом она изрыта логам, на ней поспевают ранняя клубника). А пока шли на стрельбище в Суян по лесной тропинке, где можно шагать только по одному. 450 человек растянулись по тропинке почти на 2 км. Но к 11 часам утра все были на месте. Стрелковый

тир примитивный — выкопали окоп для тех, кто держит мишени. Телефона нет. Подготовились, посадили двух сержантов в окоп держать мишени. Два человека заняли огневой рубеж и подали команду «Огонь». А в это время из окопа поднимается один из сержантов и что-то кричит. Расстояние 100 метров. Огнем командовал прапорщик из военкомата Киряков. Он подбегает к стреляющим и ногой поворачивает ствол автомата в сторону от окопа. Прозвучал выстрел и пули ушли в сторону. Перепуганный сержант упал в окоп. Но всё обошлось. Пришлось весь инструктаж проводить заново. Стрельбы окончены и опять пешком в д. Булмазы. Вечером все уставшие были на месте. Сборы продолжались.

Два лета был начальником пионерского лагеря «Чайка» в деревне Булмазы. Галина Петровна с девочками, Леной и Таней, приходили в гости. Ребят очень хорошо кормили, все были довольны.

А с 1972 г. я стал возглавлять военные сборы юношей 9-х классов района. Проводили недельные сборы, как в армии, стреляли из боевого оружия (АК). Всё конечно перечислить трудно, да и надобности нет. Вы сами убедились, что мы с Галиной Петровной работали на совесть.

Год шел за годом. Директор школы Кайбышев Н.Г. ушел на пенсию. С 1977 г. меня назначили директором средней школы и десять лет я проработал директором. Были и плюсы, и минусы в работе. И проблем хватало. Нужно 800м³ дров школе, 150м³ учителям, нужно жилье учителям, ремонт печей каждый год, учебная работа, производственная бригада и т.д. Утром уйдем и до вечера.

Особенно оживилась краеведческая работа. Собирали материалы школьники, а Галина Петровна их обрабатывала, оформляла в альбомы, которые переплетал Вялых А.Л. Собрали большую коллекцию старых монет. Позднее она будет похищена из музея (её так потом и не нашли). Я начал вести только историю, оформил кабинет — было много самодельной наглядности. Но оставалась проблема дров. Стали их заготавливать зимой и возить волоком хлысты. Мужчин в школе было мало, вот и приходилось делать самому.

Вели разговор о строительстве новой школы. А пока нам дали денег на строительство двухквартирного дома, где сейчас живут Лунегова Н.Н. и Сагатдинов А.Д.

В 1984 г. начали заниматься проектом новой школы. Большую помощь оказал директор совхоза Габдуллин Н.Б. Приехали из Уфы изыскатели, взяли пробу грунта и наметили место, где будет школа. Сейчас новая школа, которую открыли в 1997 г., стоит немного на другом месте.

В «застойные времена» школьный коллектив трижды завоевывал переходящее знамя работников просвещения. Нас хвалили везде, награждали грамотами, денежными премиями. Из Уфы приезжали с телевидения, снимали Галину Петровну с пионерами. Потом мы видели эту запись по телевизору. Она очень нервничала, что её снимают.

Школьный музей был лучшим в районе. К нам приезжали на семинары и экскурсии школьники из других школ.

В учебном плане тоже были успехи, второгодников стало меньше. Больше стало приходиться ребят из других сел и деревень, чтобы учиться в нашей школе (наши выпускники теперь работают во многих отраслях народного хозяйства, как раньше говорили). Сейчас пока всё изменилось в худшую сторону...

В 1987 г. я сильно заболел — сердечная недостаточность, прединфарктное состояние. Пролежал в больнице месяц, затем уехал в санаторий «Зеленая Роща» в Уфе. Написал заявление об освобождении от должности директора школы. Меня освободили, стал вести только историю и классное руководство. Но болезнь продолжалась.

В 1990 г. вышел на пенсию по выслуге лет. Получал всего 53 рубля. Галина Петровна тоже вышла на пенсию, у неё было 132 рубля. Нам хватало.

С 1994 г. вел краеведческий и фотокружки. Обновил стенды в музее, оформил много альбомов о жизни школы и села. Музей принял участие в республиканском смотре музеев, мне выдали премию.

Вот так потихоньку и подходит старость.

Летом 1997 г. состоялось открытие новой школы. Собрались выпускники 1966-1996 годов, приехали с разных уголков России. Много было сказано хорошего в адрес учителей и Галины Петровны. Все остались очень довольны гостеприимством, которое проявила директор школы Ахметьянова Анфиса Забировна, и тем, как она всё организовала. И мне стало спокойнее — школа, возглавляемая Анфисой Забировной, стоит на правильном пути.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

Все события, которые я описываю — реальные. Только нет последовательности, что всплывает в памяти, то и пишу.

За горохом

Вспомнились детские годы: как мы ходили воровать колхозный горох, растущий в поле. Сейчас ребяташки несут мешками стручки гороха и подсолнухи, и их никто не ловит, не бьет, не ругают дома и в школе. У нас было иначе.

Собралось нас как-то несколько мальчишек сходить за горохом, что рос на поле выше Аремы (так называется лес за «Чучковой» горой). Горох поспевал, и его стерёг верховой охранник. Мы его знали: если поймают, хорошего не жди. Но всё же пошли — как говорится, голод не тетка. Подошли к полю, охранника не видно. Начали рвать горох и есть. Он был восковой спелости, очень вкусный и сытный. Увлечлись и забыли про охранника. Оглянулись, а он в метрах в 50 от нас, скачет на лошади, размахивая кнутом и ругаясь. Все бросились бежать к лесу, знали, что только лес спасет нас от удара кнута. Но скорость была неравной, догнал он нас и начал раздавать удары кнутом направо-налево прямо с плеча, не щадя никого. Досталось и мне. Рубаха на спине была красной от крови. Добежали до леса, и он нас оставил в покое, пригрозив, что если еще раз придем — убьет. Охота лакомиться горохом отпала.

Записал 02 января 1999 г.

Куликовская ямка

Место, где мы сейчас копаем голубую глину, было другим. Здесь было основное русло реки, и глубина местами достигала 2,5 метров, камней не было — их натащило позднее (я писал о ливне, который это сделал), и еще потом возили камень к мосту-временке, делая насыпь. Но это потом. А в наше детство через реку был построен огромный деревянный мост. Он назывался «черным».

Все строения были подвешены на большие железные болты и просмолены смолой. Накупавшись до посинения, мы шли на него греться. Дно реки было покрыто голубой глиной, но никто не знал о её лечебных свойствах. Мы катались по глине с берега, мазали ей тело и бегали по берегу. В одном месте вода бурлила, ходила кругами, и называлось это место «Куликовская ямка». Все её боялись, и мать часто говорила не купаться там, а то утонем. Запретное всегда интересно.

В доме, где сейчас живет Нина Балахнина, жил старик Алексей Бабин по прозвищу «Кулик». В огороде у него было много подсолнухов, он их бдительно охранял. Когда они поспевали, их срезали, колотили и сушили. Зимой он продавал семечки по рублю за стакан. У нас денег не было, но у ребят были пачки царских бумажных пятирублёвых купюр. Они очень были схожи с советскими. А семечек хочется! У Кулика они крупные, поджаренные. Посылаем Толю Бабина с царской пятеркой, обратно он приходит с полным карманом семечек. Так было несколько раз, но наша авантюра была раскрыта, и нам всыпали.

Ямка была напротив огорода Кулика, и её называли «Куликовская». И всё же мы вдвоем с Толей Бабиным решили её переплыть. Нырнули с берега и поплыли рядом, чтоб смелее плыть. Доплыли до середины, нас закрутило и потянуло вниз. Коснулись ногами дна, а оно скользит, потому что выложено глиной. А над нами 1,5 метра воды. Стараемся зацепиться за край ямы пальцами ног. Удалось. Потихоньку выбрались наверх и поплыли к берегу. Сил было мало, но справились.

Вылезли на берег и долго лежали молча. Дома, конечно, ничего родителям не сказали. С тех пор мы стороной обходили это страшное место. Нам тогда было по 10 лет.

Как волчица обучала волчат охотиться

Был конец мая. Учебный год закончился. Времени свободного стало больше. Отца неделями не было дома, жил в поле. Он работал в артели «Вперед» (затем называлась «Красная звезда», а в народе её звали «Разнопром»). Чего там только не делали. Было много разных цехов: швейный, жестяной, пимокатный, сапожный, гончарный, печной.

И было подсобное хозяйство, о котором я уже писал. Был хороший конный двор, где конюхом работал Пётр Михайлович Казаков. В один из майских дней он остановился у нашего дома. «Поехали» — пригласил он. Спросившись у матери, я сел на телегу. И раньше я любил ездить с этим человеком на паре хороших лошадей. Всю дорогу он что-то говорил, рассказывал, смоля (куря) одну самокрутку за другой. Лошадей жалел и берёг. Когда подъезжали к горе, прыгивал с телеги и шёл рядом. Мне говорил: «Ты легкий, сиди». Так незаметно подъехали к спуску, что вёл к «Айдос» логу.

Справа от нас, на склоне горы, пасли табун (стадо). «Нижнеконский» — сказал Пётр Михайлович. Стадо было большое, буренки и овцы разошлись по всему склону. Пастухи стояли у дороги, вернее сидели на куче камней. Когда-то здесь были наделы крестьян. Земля пахалась, и все камни складывались на межи в кучи. Остановив лошадей, поздоровались. Говорили обо всем. Сказав напоследок: «Дождя бы надо», Пётр Михайлович хотел уже брать вожжи в руки, но кнутом показал в сторону лога. Пастухи, вскочив с места, побежали бегом к логу. Я пока ничего не видел.

«Смотри, смотри, — тыкал в меня кнутовищем Пётр Михайлович, — вон ползут!». Наконец и я увидел, а старик говорил и говорил: «Это волчица учит волчат как охотиться. Так каждую весну. Потом уйдут отсюда».

А мать-волчица с волчатами подползали к стаду. Пастухи бежали, крича, щелкая кнутами, но волки не обращали внимания. Вот волчица встала на ноги, сделав несколько прыжков, схватила маленькую ярку (ягненка) и рывком головы забросила ее тело на спину, держа голову (шею) в зубах. И вся волчья семья, повернувшись на 180 градусов, помчалась к логу — за ним был лес.

Пастухи, разведя руками, ругали себя, что просидели. А мать-волчица накормила своих волчат свежей бараниной. «Айда, поехали!» — сказал Пётр Михайлович. Всю дорогу он ругал пастухов за их разгильдяйство, как он говорил: «Смотреть надо!» Мы подъезжали к стану.

Записал 21 декабря 1998 г.

Ульянова Дуня

Место для стана было выбрано между логами «Айдос» и «Семеновский». Кругом лес — береза, осина, липа, заросли черемухи. Много земляники, шиповника. Была и малина, но мало.

В Семеновском логу был вырыт колодец со срубом, но вода была не вкусная. Ей только поили лошадей, мыли картошку, посуду после обеда и умывались. В стане стоял дом (но печи не было — зимой здесь не жили) и большой балаган (шалаш) крытый соломой. Во время полевых работ женщины спали в доме, мужчины в балагане. Я любил спать среди мужиков. Приходил вечер, мужчины отдыхали после работы, занимаясь своими делами, женщины пили чай и уходили в дом.

В балагане начиналась подготовка ко сну. Приносили свежего сухого сена, раскладывали на земле. Затем внутри балагана по краям укладывали конскую сбрую (хомуты, чересседельники, вожжи, кнуты). Это делали для того, чтобы змеи не заползли — они боялись конского запаха. Наговорившись, попив чаю из «семеновской воды», выкурив по самокрутке, укладывались спать и уже через несколько минут раздавался храп. Наступало время для Дуни, так звали женщину по фамилии Ульянова. Она была очень работящая, сильная, много знала песен, пословиц, поговорок, прибауток и очень любила шутки. Когда все засыпали, начиналась её «работа». Конечно, не каждую ночь. Иногда мужчины говорили между собой: «А что сегодня придумает?». Я не понимал вначале смысл этого разговора, но в одно утро всё понял. Вставали рано, особенно на покосе. «Коси, коса, пока роса» придерживались этой поговорки. В то утро я понял: что-то произошло. В балагане еще темновато, вход закрыт пологом, а уже слышны смех, ругань и слова «Опять сумела!». А произошло следующее: спящих мужчин Дуня перевязала тонкой веревкой за ноги друг с другом по одной ноге. Узел веревки намочила водой, так что развязать его было очень трудно. Кое-как развязав узел, смеясь и ругаясь, обещали припомнить ей когда-нибудь. Но обычно её шалости прощали и ждали новых. И вот придумана была новая шутка.

Здесь работал Николай Войнов. Он был намного старше меня (позднее он утонет зимой на Уфимке, провалившись под лед на машине). Он тоже любил шутить, в основном над женщинами. И что он только не придумывал! И вот Дуня решила его «наказать».

Николай всегда ложился спать у выхода из балагана, и в это утро оказался висящим на березе вниз головой...

Около балагана росла молодая березка. Дуня ночью её пригнула к земле и привязала, чтоб не выпрямилась. Взяла конные вожжи, привязала Николая за ногу одним концом, другой конец привязала за верхушку березы и отпустила веревку, что держала березку в согнутом положении. Березка выпрямилась, и он оказался подвешенным.

Дуня прожила более 90 лет, очень любила рассказывать о тех годах, до конца жизни используя пословицы, поговорки и прибаутки в своих рассказах.

На мельнице

Все с нетерпением ждали, когда станет Байкинка, то есть застынет лед. И вот дождалось. Мать говорит: «Вечером пойдем на мельницу. Максиха с Лёнькой тоже пойдут». Максихой звали соседку Казакову Нюру, а Лёнька мой друг, старший брат Феди Казакова (он умер от туберкулеза когда ему шел 16-й год). Идти надо было вверх по Байкинке в деревню Туюшево почти 6 км от Байков. Там была мельница, где обдирали и мололи желуди, превращая их в муку. Наша река Байкинка, как змея, изгибаясь, течет между гор, и чтобы попасть на мельницу, нужно 5-6 раз её пересечь. 3 раза по мостикам от Ташино до Нового Света (была такая коммуна в 2 км от Ташино, её уже давно нет) и 2-3 раза по льду. Почему 2-3 раза? Можно было пройти и другой дорогой. Пошли. Еще светло. Надо торопиться, иначе с наступлением темноты волки выходят на дорогу. Пришли — уже темновато. Народу немного, заняли очередь и стали ждать в «коморке», где горела керосиновая коптилка без стекла. Пошли с Лёнькой осматривать мельницу. Мельник татарин, неплохо говорит по-русски. «Сюда не ходи, сюда не ходи» — говорил он. Небольшая плотина, два камня, где размалывали зерно и желуди. Морозец усиливался. Пошли в коморку и уснули. Утром рано матери нас будят — вставайте, наша очередь. Тащим мешок наверх, засыпаем в бункер и начинается самое интересное — с желобка ручейком бежит мука, правда черная, из желудей. До этого их ободрали на другом камне, то есть сняли кожуру. С рассветом пошли домой. Было нам по 11 лет.

Зимние развлечения

Самым лучшим развлечением зимой были спуски — катание на лыжах с одной горы на другую. Такое место было в малом логу, если от нас ехать по старому тракту в сторону Байкибашево по левой стороне. Малый лог разделяет две горы — Варяжку и Среднюю. Уж очень удобное место для катания на лыжах — переход от одной горы на другую. Много зим мы ходили сюда кататься. На лыжах поднимались на Варяжку и выбирали место, где проложить лыжню.

Проложить первый след — дело ответственное, он должен быть прямым и нормальной ширины. Это доверялось мне, потому что я лучше других катался на лыжах, и они у меня были фабричные. Выбирал направление и ехал: только вперед смотрю и скатываюсь с выносом на другую гору. Останавливаюсь, оглядываюсь на лыжню — нормально. Машу рукой — значит, «Давайте за мной спускайтесь!». Один за другим спускаются все мальчишки (ни одной девчонки в нашей компании не было). С одной горы лыжня получилась. Сложность заключается в том, чтобы следующая лыжня попала точно в след уже сделанной. И вот лыжня готова, но мы её пока оставляем, чтобы померзла. А сами идем под карниз снега на северной стороне Варяжки. Здесь бывают заячьи норы, где зайцы скрываются от ветра и мороза. Увидев нору, подходим осторожно, тихо (хоть заяц в норе, а слышит хорошо). Наша цель — как можно ближе подойти, а потом полюбоваться его быстрым бегом и прыжками. Подошли метра на четыре к норе, а зайца нет — видимо, раньше убежал. Ищем другую нору. Вдруг слышим — вот он. А у зайца был запасной выход, которым он и воспользовался. Бежит вниз к нашей «фазенде», через лед на остров, и скрылся в кустах смородины. Это был крупный русак, который на дневку спрятался в норе. Подходит время обеда. Скатываемся каждый по своей лыжне на улицу Торгашево. После остановки смотрим назад. Видим на горе несколько ямок — это наши мальчишки падали. После обеда договариваемся идти кататься по проделанной лыжне.

Витаминный снег

У Игоря Бабина появились деньги, 100 рублей. Где он их взял, не говорил, сказал только: «Мои» (позднее мы узнали, что стащил у матери). Спрашивает нас: «Что купим?». «Витаминок!» — ответили все. В аптеке продавали маленькие витаминки, с горошину, сладкие как конфетки, разных цветов — продавали на развес. Идем в аптеку. Нас спрашивают: «Где взяли деньги?». А один килограмм стоит 30 рублей. Игорь берет на всю сотню. Набили полные карманы, и еще в кульке. Решаем — половину в рот, половину спрячем. Спрятали у Игоря в сарае, он ведь хозяин витаминок. И начали щелкать их как семечки, одну за другой — очень сладко.

Всё, карманы пусты. Через некоторое время с нами стало твориться непонятное. На лицах появились красные пятна, всё тело горит огнем. Особенно стала гореть «пятая точка». Домой идти боимся.

Выход предложил Аркадий Казаков. Он у нас был «мудрецом», спокойным, рассудительным. Была весна, местами еще лежал снег. Предложение Аркаши заключалось в следующем: пойти туда, где есть снег, и сесть на него. Пошли за гору, чтоб нас не видели. Сели прямо в штанах, но они сразу же промокли. Снег был весенний, сырой. Решили снять штаны. Сняли и снова сели в снег. Сидим и смотрим друг на друга. Немного посидели — стало лучше. Еще сидим. Становится холодно, снег всё-таки. Наступает вечер, пора домой. Дома пью ковшом холодную воду из кадушки. Мать ворчит: «Вот просолел! Хватит, горло заболит!»

А утром мать Игоря хватилась: «Где деньги?!» Он всё рассказал, как было. Собрала она оставшиеся витаминки и пошла в аптеку. Скандала не было, но потом всем нам было очень стыдно. После этого случая мы долго не собирались вместе, хотя была весна.

Медок

В двух улицах Торгашево и Казаково в конце 40-х годов жило около 20 мальчишек примерно моего возраста:

Казаков Юра (умер);

Казаков Аркадий (умер);

Бабин Женя (умер);

Бабин Валя;
Бабин Игорь (умер);
Бабин Толя (умер);
Бабин Аркаша (умер);
Казаков Александр (умер);
Казаков Герман (умер);
Казаков Саша (умер);
Казаков Леня (умер);
Казаков Федя (умер);
Казаков Юра (умер);
Меньшиков Леня (умер);
Скачков Коля (умер);
Борисов Вася (умер);
Борисов Витя (умер);
Казаков Витя (умер);
Казаков Алексей (умер);
Меньшиков Сергей (умер);
Балахнин Коля (я).

Мы делились по улицам — «торгашевский», «казаковский», но жили дружно, не дрались. Любили играть в войну и в прятки. Делились на две команды, в каждой выбирали командира, которому беспрекословно подчинялись. Игра заключалась в следующем: кидаем жребий — кто прячется, кто ищет. Команда которой выпал жребий прятаться, должна за определенное время спрятаться и выставить наблюдателей. Вторая команда посылает разведчиков на поиск. Цель игры — как можно дольше оставаться незамеченным, захватить пленных, неожиданно напасть или обезоружить. Играли в лесу, на горе, на берегу реки.

В прятки играли на своих улицах. Любимым местом для игры были два дома — Бабина Толи и Казакова Аркадия. Тогда у многих были пчелы, в том числе и у Толи Бабина. Один раз, играя у Толи Леня Казаков позвал меня прятаться в амбар. Залезть в него можно было только снизу, подняв одну доску — он уже бывал здесь, потому знал. Залезли. Полумрак, но видимость есть —

вверху было окно. Он открывает стоящий ящик, а это был пчелиный дадан! Леня достает рамку с медом, ломает её и угощает меня. Я конечно с аппетитом съел. В следующий раз позвали хозяина, Толю Бабина, и он тоже полакомился.

В течение зимы мы частенько сюда залезали, но не все, а только избранные — кого позовет хозяин. Даже своим друзьям мы ничего не говорили об этом.

К концу зимы дадан был почти пуст, новый начать не решались. Обнаружилось это, когда весной надо было кормить пчел. Досталось всем, но особенно «хозяину» Толе.

Дед Осип, увидев нас, спрашивал: «Ну как медок?». Мы молчали.

Карабареция

Я не могу объяснить смысл этого слова, чаще всего его кричал Витя Борисов. Выйдет из дома на улицу и кричит: «Карабареция!». Кричали это слово и другие мальчишки, подражая Вите. Голова у Вити была обварена «колобками». Мать сварила чугунок «колобков» и поставила их на палаты с краю. Залезая наверх, Витя опрокинул колобки себе на голову. Конечно, было очень больно, он лежал в больнице, в итоге с головой стало не всё в порядке.

Дом, где живут сейчас Чижовы, построен в 50-х годах. Раньше здесь стоял очень большой дом, где когда-то жили Казаковы. Их раскулачили, а в доме сделали контору Заготскот. Позднее дом сломали и перевезли в деревню Багазы. А пока он стоял с заколоченными досками окнами, с большими щелями. Мы проникали в этот дом, играли в прятки и искали клад. Говорили, что он где-то зарыт, но где — никто не знал. Так его и не нашли.

Один раз, играя осенью в прятки, я выглянул в щель окна. На дороге стоял Герман Казаков, в руках он что-то держал. Он видимо заметил тень в окне и со словами «Карабареция!» бросил предмет из своих рук в окно. Это была большая железная гайка от болта. Она с силой ударила мне в правый глаз, и я упал. Всё лицо залито кровью, глаз отделился и висит. Прибежала мать, завязала глаз тряпкой и — в больницу. Кровь уже остановилась, а хирурга нет. Так рана и осталась не зашитой. До сих пор выше глаза справа сохранился шрам в память о тех годах. Еще один учебный год был потерян.

За смородиной

На острове, где построил дом Борисов С.Н., был большой сад смородины. Выращивали здесь и огурцы, и морковь, и капусту, и многие другие овощи. Охранником был Алябушев Лаврентий (жил он в почтовом переулке). Был он очень хитроумный, придумывал много ловкостей, чтобы поймать мальчишек, которые переплывали на остров, чтобы поесть смородины. В то время внизу, около дальней больницы, была плотина с мельницей, поэтому вокруг острова был пруд, доходивший до нашего моста.

Что только не придумывал Лаврентий: наряжался женщиной с мотыгой полон грядки, или наряжался чучелом и стоял часами в кустах, не сходя с места. Но мальчишки все равно его обманывали. Они разбивались на две группы — одна отвлекала охранника, другая ела ягоды. А смородины было очень много. Бывало, и ловили мальчишек. Поймает кого-нибудь, нарвет крапивы и натолкает ей в штаны (а трусов тогда не было!), и заставляет бегать. Поэтому эта охота есть смородину отпадала.

Мы на лодочке катались...

Мой друг Леонид Меньшиков (он уже умер) был большим выдумщик. Как-то он обменял трофейную немецкую зажигалку на лодку с ножными веслами, как у катамарана. Во время войны его отец Дмитрий Т. служил в обозе и присылал много посылок из Германии. Различных безделушек у него было много.

На самом деле, когда я увидел лодку, сказал, что это корытце с веслами. Леонид пригласил меня, Скачкова К. и Бабина Т., чтобы пригнать «корабль», как он говорил, к нам на стоянку по реке. Когда пришли, лодка была полная воды. Вытащили на берег, вода вылила, дыры на дне заткнули тряпками. Спустили на воду. Дно все равно протекало, но решили плыть. Сам Леонид был капитаном и сел за руль, двое крутить ногами весла, а один из нас ещё банку вычерпывать воду, которая всё прибывала. Поплыли. «Корабль» плохо слушался руля и плыл в одном направлении. Когда вода прибывала, откачивать не успевали. От берега уже 50 метров будет. Ширина пруда достигала 200 метров. Еще дальше плыть от берега, а в лодке уже полно воды. И вот «корабль» пошел ко дну. Мы в одежде оказались в воде (хорошо, что дело было летом). Поплыли к берегу. Леонид кричит: «Не отставать!». Он плавал

лучше нас и был сильнее. На берегу сняли одежду, выжали, подсушили и пошли домой. «Корабль» остался на дне. Позднее Леонид с братом Сергеем приплыли на своей лодке, вытащили «корабль» и на буксире притащили его выше моста. В свободное время мы с удовольствием на нём катались, но только по два человека.

На катке

Ниже нашего моста Байкинка разделяется, образуя большой остров. Осенью все с нетерпением ждали, когда встанет лед. Ждали потому, что хотели покататься на коньках вокруг острова. Внизу была построена большая плотина с мельницей. Поэтому вода, запруженная плотиной, образовала большое водохранилище вокруг острова. С моста казалось, что вода стоит. С наступлением морозов быстро наступал ледостав. Лед был ровный, чистый, прозрачный (можно было наблюдать через лед, как ползали раки и плавали рыбы). В это время и млад, и стар выходили на лед. У кого были коньки — катались, у кого не было — делали карусели, и катались на них. Карусель — это когда во льду делали дыру и забивали крепкий кол в дно реки. Дыру замораживали; на кол надевали колесо от телеги, к которому привязывали 2 пары палок и длинную жердь; к жерди привязывали санки, и карусель готова. Далее четверо мальчишек, взявшись за палки, крутят колесо. Санки по большому кругу вращаются, на них сидит один человек, затем меняются. Это была очень интересная игра. Сейчас я не вижу, чтобы дети делали карусель.

А вокруг острова сотни человек, в том числе и взрослые, устраивали гонки на коньках. Коньки были разные, но самые распространенные — «Снегурочка». У многих были самоделки — на деревянную болванку закрепляли проволоку и затачивали её, затем привязывали к лаптям или валенкам, и поехали!

Позднее Настя купила мне «дутьши» (так мы называли коньки для хоккея). Все мальчишки завидовали мне — коньки были очень хорошие, скользили, в стороны не разъезжались. Но и они привязывались к валенкам.

Катание продолжалось до темноты. Но выпадал снег, и лед засыпало. Оставалась карусель. Позднее, когда построили ГЭС выше моста, каток перенесли туда. Уже работая в школе, мы проводили соревнования по бегу на коньках, начинали играть в